

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**УБИЙСТВО
С АНШЛАГОМ**

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Таежная полиция
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2455465
Убийство с аншлагом: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-52650-5

Аннотация

«Гуров соотнес свою секретную миссию с событиями в поезде. Он ведь едет с целью прощупать ситуацию в Чите. Они с Крячко должны определить, насколько в этом городе и соответственно в крае криминализована полиция, насколько там местный криминал сросся с местной властью. У генерала Орлова, очевидно, была конкретная оперативная информация, на основании которой он сделал свои выводы. И информация была получена им в Москве. И кто-то из той же Москвы везет что-то важное в ту же Читу. Получается, что все произошедшее в поезде имеет прямое отношение к секретной миссии Гурова и Крячко в Забайкалье...»

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

79

Николай Леонов, Алексей Макеев Таежная полиция

* * *

Сознание возвращалось пульсирующей болью в задней части головы и удушливой прелостью, которая забивала нос и горло. Гуров осознал наконец, что лежит на животе на недавно скошенном сене, уткнувшись лицом в какую-то дерюгу. Он попытался пошевелить руками, но они были сцеплены наручниками. Да еще, кажется, вокруг какого-то столба.

«Где я?» Первая мысль ничего нового не добавила в восприятие окружающего мира. В голове гудело, лежать было неудобно. Тело затекло, и его бил озноб. Холодно! «Меня ударили по голове, и больше я ничего не помню». Гурову очень хотелось подтянуть ноги к груди, съежиться, свернуться калачиком, обхватить себя руками. И еще бы эту дерюгу на себя натянуть... И лежать так долго-долго, пока боль в голове не уйдет. Или хотя бы не притупится.

«Черт! Я же был не один...» И все события последних дней стали послушно, как по команде, всплывать в гудящей

Совещание проходило в кабинете губернатора Забайкальского края. Губернатор Сипатов, баллотировавшийся на новый срок, в данный момент несколько нарушал установленные правила, но на это можно было временно махнуть рукой.

Это было не рабочее совещание, а очередное заседание его предвыборного штаба. До выборов оставался месяц, и сейчас в спешном порядке анализировалась угроза прохождения других кандидатов в губернаторы. Помимо самого Сипатова, в губернаторы метило еще трое: лидер местных коммунистов, глава одного из передовых районов края и мэр краевого центра. Последний, Геннадий Васильевич Андрейченко, был самой сильной фигурой в этом списке претендентов и реальным конкурентом Сипатову.

За два последних года Андрейченко сформировал преданную и сильную команду единомышленников, активно занимался социальной сферой и благоустройством. Он постоянно был на людях, постоянно маячил на фоне того или иного значимого события в городе, всячески подчеркивая свое участие. Надо отдать должное, Андрейченко в городе был популярен, а если еще учесть, что население Читы – почти треть населения края, то выводы и прогнозы для Сипатова виделись не очень утешительными. А еще Андрейченко от-

крыто и уверенно конфликтовал с областной администрацией и умело бил в слабые места политики губернатора, не гнушаясь и использованием выкопанных из глубины прошедших лет компрометирующих фактов.

Вся команда Сипатова сходилась в одном – Андрейченко можно победить только одним мощным ударом. В конкурентной борьбе время было упущено, изменить баланс противостояния губернатора и мэра краевого центра до даты выборов уже невозможно. А этим ударом должны стать компрометирующие материалы на Андрейченко. Причем компромат должен быть такой убойной силы, чтобы одним махом лишить мэра народного доверия. А еще лучше – довести все до возбуждения уголовного дела.

Эти несколько месяцев, которые имелись в распоряжении Сипатова, должны были решить все. Как Андрейченко ни перестраховывался, как он ни был осторожен, но скрыть факты использования им служебного положения в корыстных целях до конца невозможно. Другое дело, что все так и останется на уровне домыслов и подозрений, а для того чтобы убрать мэра с дороги, нужны убедительные доказательства.

Сбором таких доказательств и занимались доверенные люди губернатора. Мэр Читы давно готовил свой эффектный бросок на Москву. Его не интересовала канитель с Государственной думой: слишком дорого и неопределенно. А потом еще и реноме свое поддерживать нужно, чтобы удержаться

в депутатстве на несколько сроков. Андрейченко планировал свой естественный переход на работу ни много ни мало в правительство страны. Но для этого ему нужно было проявить себя в лидерах края, а остальное сделают поддерживающие его в Москве люди.

Эти мосты со столичными властью имущими Андрейченко налаживал давно. С помощью махинаций ему удалось организовать в Москве бизнес, который не особенно много доходов приносил ему лично. Доходы шли на прикорм поддерживающих его людей. И достаточно было вскрыть эту цепочку, наметить хотя бы преступный источник денег здесь на организацию бизнеса в Москве. Достаточно было определить, кто там, в Москве, кормится от Андрейченко, дети и ставленники каких высокопоставленных столичных чиновников являются соучредителями и руководителями. И тогда ситуация начнет развиваться в сторону краха Андрейченко, все покатится как снежный ком. Проверки, инициируемые на основе компромата, в любом случае дадут факты злоупотреблений, вскроют преступную связь с Москвой. Этого для начала будет достаточно. А потом, когда скандал станет неизбежным, Москва сдаст Андрейченко следователям, чтобы обезопасить себя. Удастся посадить мэра или нет – не важно. Главное, что он уже будет политическим трупом.

Много денег потратил Сипатов на поиск компромата, очень много, и не своих. Тут губернатор тоже не был чист, но он надеялся успеть свалить конкурента первым. Нанятые в

Москве и в Чите люди рыли носом землю, подкупали, шантажировали. На положительный результат можно было рассчитывать в самое ближайшее время.

Когда все вопросы были закончены и губернатор отпустил своих помощников, он тут же по внутреннему телефону велел вызвать к нему Яковца.

Петр Зиновьевич, погруженный в свои мысли, все еще сидел за столом для совещаний. Дородное лицо с высоким лбом и густыми бровями было сосредоточенно-хмурым. Бывший профессор Сипатов давно уже избавился от эмоций на работе, научился держать их при себе. По крайней мере, подчиненным он их никогда не показывал, оставаясь всегда ровным и выдержанным. Петр Зиновьевич машинально разглядывал герб области, висевший над его рабочим столом. Это была одна из тех памятных побед, которые будут помнить и простые люди, и местные политики. Такое позволяет остаться в истории, и этот факт тешил самолюбие губернатора.

Когда-то Сипатов был не только инициатором, но фактически и соавтором этого геральдического символа региона. В золотом поле летел орел с луком и стрелой в когтях. Петр Зиновьевич немало порылся в архивах и исторических хрониках. Орел всегда был официальным символом сибирской земли. И именно это изображение было скопировано с государственной печати «Сибирские земли Даурских острогов» XVII века. Сипатов до сих пор, спустя много лет, помнил

почти слово в слово текст Положения, которое он сочинял и которое было утверждено в конце концов областной думой.

Да, непростые, насыщенные были времена. Петр Зиновьевич всегда отличался хорошо подвешенным языком и умением точно изложить основную мысль, сыграть на настроении большинства. Как там было сказано? «Изображение летящего орла символизирует героические поколения первопроходцев». Вот только изображение своего флага не удалось отстоять. Приняли другой вариант, простой трехцветный.

Сипатов был в прошлом ученым-историком, преподавал в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете. Было время, когда он претендовал на должность ректора, но веса и поддержки тогда Сипатову не хватило. Потом грянул капитализм – и закрутилась жизнь в Забайкалье в ту же непонятную сторону, что и по всей России. Сипатову припомнили конфронтацию с нынешним ректором, и пришлось Петру Зиновьевичу уходить из вуза. Хорошие знакомые нашли ему место заместителя руководителя краевого архива. Потом Сипатов стал советником губернатора, некоторое время успешно возглавлял культуру края в качестве руководителя краевого министерства.

И постиг Сипатов все явные и скрытые тактические ходы в политической борьбе, поднимаясь все выше и выше по карьерной лестнице. Теперь в нем уже не узнавали того интеллигента-профессора, каким он был, пытаясь занять место

ректора университета. Пытался деликатно, цивилизованно, в открытой борьбе. Теперь ему самому уже было смешно сознавать, каким он был тогда наивным простачком. Тогда бы ему сегодняшний опыт, закалку...

Дверь кабинета отворилась без стука, и в проеме показалась коренастая фигура ближайшего помощника и советника губернатора, «офицера для особых поручений», как шутили в окружении Сипатова. Яковец в прошлом в самом деле был офицером и служил когда-то в военной прокуратуре.

– Заходи, Павел Борисович, – кивнул Яковцу губернатор, со вздохом поднимаясь от стола совещания и направляясь к своему рабочему столу. – Есть новости?

– Новостей много, – приятным баритоном ответил Яковец, – только не все они хорошие.

– Давай по порядку, – кивнул Сипатов на кресло возле приставного стола.

Яковец неторопливо подошел, расстегнул пиджак и уселся в кресло. Губернатор терпеливо ждал, зная обстоятельность своего помощника и что тот не начнет рассказывать, пока обстановка не будет соответствовать. Не любил этот бывший прокурорский работник разговаривать на ходу или между делом, и с этим приходилось мириться.

– Работа выполнена в том объеме, в каком мы ее заказывали, – заговорил наконец Яковец. – Не все, что хотелось бы, существует в оригиналах, многовато ссылок и копий, но и этого достаточно, чтобы инициировать следствие.

– Конкретнее, Павел, конкретнее, – не выдержал наконец Сипатов. – Что там накопили, как мы это можем использовать? Учти, если это мелочь, то Андрейченко сразу начнет обороняться. Он-то поймет, кто все это против него затеял. И тогда у него будет время пустить в ход свои контраргументы и свой компромат. Результат, сам понимаешь, может оказаться губительным для обоих.

– Разумеется, – кивнул головой Яковец. – Материал основательный, все можно подтвердить встречными аудиторскими проверками. Исключительно подлоги и скрытые откаты. По предварительным подсчетам, он прикарманил бюджетных денег на сумму около двухсот миллионов.

– Всего? – искренне удивился Сипатов.

– Это только за последние четыре года, – поспешно пояснил Яковец. – Нам нужно основание для глобальной проверки и, в оптимальном варианте, для возбуждения уголовного дела. Для этого сумма достаточная. Но проверка наверняка вскроет и прошлые его дела, и нынешние параллельные, до которых мы еще не докопались.

– В каком виде все эти материалы?

– Часть в виде ссылок на номера и даты документов. При проверке их легко будет отыскать. Часть в виде ксерокопий, сканированных документов, скопированных в соответствующих фирмах из базы программы 1С. Ну, и схемы прохождения денег.

– Да, Паша, не очень ты меня обнадежил, – вздохнул гу-

бернатор. – Пока мы в Москве организовываем проверку, пока убеждаем и заинтересовываем нужных людей, информация может уйти. Тогда у Андрейченко и его партнеров будет время уничтожить документы, подменить их.

– Я предлагаю немного другой план, Петр Зиновьевич. Мы начнем все здесь, у нас. Материала достаточно для прокурорской проверки. Пока вы тут у власти и пока краевой прокурор ваш человек, мы сможем ударить разом, благо теперь знаем, в какие точки одновременно бить. Насколько я понял, нас интересуют пять-семь фирм тут, в Забайкалье, через которые происходила утечка бюджетных денег. Оснований для ареста Андрейченко формально достаточно – мера пресечения выбирается исходя из возможности подследственного влиять на ход расследования и сокрытия неопровержимых улик. А вот с постановлением прокуратуры нам легко будет разговаривать в Москве. Там поймут, что это уже не шутки, и начнут свои игры. Те, кто помогал Андрейченко, обязательно являются чьими-то конкурентами, их захотят убрать с дороги, поприжать, сделать более сговорчивыми. Москвичей мы особо не зацепим, поскольку Генпрокуратура – это особое государство. Но фирмачей в основном нам сдадут. И Андрейченко сдадут. Он пока слишком маленькая фигура в столичных играх.

– Да, мы на это как раз и рассчитывали, когда кашу заваривали, – согласился губернатор. – А везут документы люди надежные? Тут ты все предусмотрел?

– Еще не везут. Мне сообщат, когда и каким транспортом их отправят.

– Чего тянуть, Павел? – нетерпеливо спросил Сипатов. – Самолетом! Несколько часов, и они здесь.

– Петр Зиновьевич, – Яковец навалился грудью на стол и посмотрел губернатору прямо в глаза. – Люди, которые во всеми этом замешаны, не гнушаются ничем, когда вопрос стоит о деньгах. О больших деньгах! Андрейченко с его аферами для них мелочь, пока они не включили его в большие игры. Но компромат на него ударит и по ним. А им это не нужно. Поверьте мне, они пойдут на все, чтобы этот компромат не всплыл. А они, Петр Зиновьевич, привыкли свои проблемы решать. Причем сразу и кардинально! Я не хочу, чтобы на моей совести повисли жизни сотни пассажиров и экипажа самолета. Пусть лучше пострадает один курьер; в конце концов, мы с вами жизнями тут не рискуем. Не удалось, так не удалось. Нет, документы поедут поездом или их повезут на машине. Там смогут запутать следы и свести риск захвата документов к минимуму.

– Ладно, ладно, – недовольно пробурчал губернатор. – Тебе виднее.

– Жаль только, что вы меня не всегда слушаете, – усмехнулся Яковец. – Надо было с самого начала пристегивать к нашей команде краевую ФСБ. Почему вы так не доверяете генералу Шамаеву?

– Да потому, Паша, что начальник Управления ФСБ игра-

ет только в свои игры. Ты еще не понял, что он с самого начала, со своего появления у нас стал держаться особняком? Он ни с кем не близок и не идет ни на какие неформальные контакты.

— Его можно понять, — развел руками Яковец. — У него тут две границы под боком.

— Да, граница... А ты знаешь, Павел, откуда Шамаев пришел на должность начальника Управления края? Не знаешь, а я тебе скажу. Из контрразведки.

— Ладно, черт с ним, с этим Шамаевым, — хлопнул ладонью по столу Яковец. — Вижу, что вы нервничаете. Давайте сделаем так: я вылетаю в Москву и сам буду негласно следить за курьером. Глядишь, замечу опасность раньше его, глядишь, успею вмешаться...

Сообщение пришло на мобильный телефон, когда Яковец уже прошел досмотр в аэропорту. «Курьер выезжает завтра утром 340-м поездом. Встречать в Чите. Встречающий должен по прибытии поезда зайти в 3-е купе и спросить: «Кто здесь хирург?» Хирург — это кличка курьера. Отзовется девушка-блондинка».

Яковец чертыхнулся и машинально посмотрел на часы. Он чуть было не опоздал со своим участием в операции. Самолет летит из Читы в Москву восемь часов. Случись нелетная погода, заверни диспетчеры борт куда-нибудь в Ярославль, пока не принимает Москва, — и все. А ведь еще надо умудриться купить билет на этот поезд... Но это Яковца

волновало уже гораздо меньше. Он имел массу талантов, в том числе и достать то, что другим не под силу.

* * *

– Ты же дома с ней простился утром! Удачи пожелал, творческих успехов, – продолжал ерничать Крячко. – Или соскучился уже, юноша?

Гуров только улыбался в ответ, бережно держа в руках букет алых роз. До вокзала оставалось совсем немного, но и до отхода поезда – тоже. Мария сегодня уезжала с трупной театра на гастроли в Новороссийск. Конечно же, утром они попрощались и сказали друг другу все нужные и нежные слова. Собственно, говорить они их начали еще со вчерашнего вечера.

Эта разлука предвещала весьма заманчивую встречу. Гурову давали отпуск! После командировки он летел в Новороссийск, где они с женой должны были провести две незабываемые недели. Правда, Марии придется совмещать отдых со спектаклями, но вот Лев собирался на две недели отрешиться от всего земного и суетного. Только море, пляж, солнце и местная кухня в уютных заведениях.

– Тебе, Стас, не понять, – наконец изрек Гуров, покосившись на Крячко, который бешено выкручивал руль, лавируя в потоке машин. – Ты не романтик, ты – прагматик. Это ведь ни с чем не сравнимое удовольствие – сделать женщине сюр-

приз, лишний раз подчеркнуть свою любовь к ней.

– Сюрприз? – ехидно переспросил Крячко. – Ни за что не поверю, что за столько лет совместной жизни Маша не изучила тебя и твои романтические выходки. Она, конечно, делает удивленное и обрадованное лицо. Но, уверяю тебя, мой пылкий влюбленный, это будет игра. Превосходная актерская работа, потому что Маша удивится несравненно больше, если ты сейчас не появишься с цветами на перроне.

– И опять ты со своим прагматизмом ничего не понял! Ожидаемый сюрприз тем и сладок, что он сбывается.

Гуров почти бежал по перрону, вглядываясь в пассажиров и провожающих возле вагонов. Он не знал номера вагона, в котором поедет Мария, но надеялся понять, где именно поедут артисты. Это было не так уж и сложно, учитывая помпезность всей процедуры выезда на гастроли столичного театра. Помимо известных лиц и представителей богемы, около вагона должна тереться как Минимум пресса. А как максимум еще и телевидение.

Марию Гуров увидел сразу, несмотря на то что ее с несколькими подругами окружала небольшая толпа провожающих от администрации театра, министерства культуры и кого-то еще. Телевидения не было.

По глазам жены, когда она его увидела, Гуров понял, что Крячко был прав. Она очень бы удивилась и несколько расстроилась, если бы он не приехал на вокзал. И, конечно же, Маше было страшно приятно. И отношение мужа, и зависть

подруг, и восторг околотеатрального люда...

Гуров протиснулся к жене, протянул цветы и поцеловал в щеку возле самых уголков губ – туда, куда она любила, чтобы он ее целовал.

– Боже! Настоящий полковник, – с некоторым ехидством звонко раздался рядом женский голосок.

– Будь у меня такой муж и поклонник... – томно заметил другой голос, но его быстро перебил третий:

– А лучше и муж, и поклонник.

В ответ грохнул многоголосый хохот.

– Чувствуешь, как они все тебе завидуют? – многозначительно шепнул Гуров жене на ухо. – А если я появлюсь еще и там... И потом, когда мы будем проводить фантастические дни...

– Гуров! – Мария отстранилась и с шутливым негодованием посмотрела на мужа. – Мне не нравится слово «если». Ты что, уже придумываешь причину, по которой не приедешь в Новороссийск?

Дождаться отправления поезда у сыщика не было времени. Да и приезд на вокзал нужен был Гурову больше для того, чтобы Мария не волновалась и не подумала ничего плохого о предстоящей командировке мужа в Сибирь. Он преподал ее как рутинную проверку в краевом центре оперативно-розыскной работы. Неделька-другая, не больше.

В кабинет Орлова сыщики вошли вдвоем. Генерал посмотрел на полковников, потом нагнулся к селектору и по-

просил секретаршу:

– Сделай нам кофейку... А лучше тащи целиком чайник. Там печенье осталось у тебя какое-нибудь? Тоже носи. И меня ни для кого нет. Даже для министра.

Гуров внимательно посмотрел на начальника, потом кивнул головой Крячко и указал на кресла возле журнального столика у окна. Он понял, что предстоит обстоятельное и долгое обсуждение предстоящей операции. И Орлов, который очень давно и хорошо знал обоих своих подчиненных, собирался обсуждать ее не как начальник из своего кресла, а как старший товарищ, как опытный опер-профессионал.

– Чего опоздали? – как бы между прочим поинтересовался Орлов, выходя из-за стола. – На вокзал, что ли, заскакивали?

– О как! – Гуров смущенно покрутил головой. – Стасу аппаратуру в машину воткнули?

– Я ж тебя, Лева, знаю, – улыбнулся генерал. – И газеты почитываю. Думаешь, не знаю, что Маша на гастроли укатила? Эх! Скоро на море рванешь...

– Древние говорили, что боги смеются, когда мы рассказываем о своих планах, – заметил Гуров. – Я, конечно, не суеверный, но вслух предпочитаю не мечтать.

– Ага, – вставил Крячко. – И вы вчера вечером об этом дома совсем не говорили, не строили планов...

– Ну, ладно, – сделал Орлов серьезное лицо и уселся в кресло. – Давайте пока о наших планах. Надеюсь, боги нас не

осудят. По имеющейся на сегодняшний день и на данную минуту информации, можно полагать, что криминогенная ситуация в Чите сложная. И я далек от того, чтобы предполагать, что это простое бездействие местных органов и расхлябанность.

– И насколько полиция в Чите срослась с криминалом? – сразу же стал уточнять Гуров.

– А вот на этот вопрос мне ответите вы, когда вернетесь, – вскинул бровь Орлов. – Кого они там «крышуют», кого покрывают? Или сами заделались местной мафией. Очень меня интересует личность мэра краевого центра. Мне тут намекнули, что парень имеет далеко идущие цели и не очень чистые руки...

– А что же только намекнули? – ехидно спросил Крячко. – Чего же прямо не сказали, в чем он там замешан? Или хотя бы с какого края копать?

– Видишь ли, Стас, – терпеливо ответил генерал, – те люди, которые мне намекнули, не будут играть в открытую. Как и не будут участвовать в разоблачении. Нам слили информацию и отошли в сторону. Мол, хотите – копайте, не хотите – не копайте. Но было бы желательно, чтобы копнули. Я почему вам это разжевываю? Во-первых, чтобы вы не думали, что мы выполняем частные заказы. Мы пользуемся оперативной информацией, хотим приложить руку к чистоте наших рядов. А во-вторых, чтобы вы там не расслаблялись. Если есть заинтересованные в этом, то найдутся и заинтересованные в

обратном.

– Ну, этот парадокс природы нам напоминать не надо, – поморщился Гуров. – Давно усвоили, что чем крупнее рыба, чем выше она плавает, тем мутнее вокруг нее водица.

Несмотря на обыденность обсуждения командировки, сыщики поняли, что дело предстоит не совсем обычное. Чаше они выезжали с четким заданием и не менее четкими установками. В этот раз им придется во всем ориентироваться на месте. Решать самим, кто тут друг, а кто враг. На кого можно опереться, а кого нужно опасаться. Очень запросто может оказаться, что на мэра гонят напраслину именно потому, что он честный чиновник, неуступчивый политик и его надо свалить чужими руками. Значит, могут подсовывать компромат, могут и подставу устроить, чтобы организовать скандал в преддверии очередных выборов.

Гуров усмехнулся тому, что оказался прав в своих предположениях. Орлов подтвердил, что грядут именно выборы в губернаторы края и что мэр краевого центра – один из претендентов на этот пост. Это сообщение настораживало вдвойне. И именно поэтому сыщики стали настаивать на том, чтобы ехать в Читу порознь и действовать там не совсем обычным порядком.

– Я полечу самолетом, – с видом заговорщика рассказывал Крячко о планах, которые они с Гуровым разработали, – с официальным письмом и официальными полномочиями. Обычная рутинная проверка. А Лева поедет поездом. И по-

явится там чуть позднее, нелегально.

– Что-то вы тут перемудрили, – с сомнением сказал Орлов.

– Почему же, – вмешался Гуров. – Два сыскаря из главка в одно место! Слишком заметно и подозрительно. К тому же с табельным оружием. Его ведь в самолете светить придется, разрешение показывать. Нет, Стас полетит налегке, а я поездом со своим и его оружием. И по оперативному паспорту, чтобы моя фамилия нигде в проездных документах и диспетчерских пунктах не фигурировала. Нужно, чтобы к завтрашнему дню в техническом отделе мне изготовили дорожную сумку с двойным дном из пенопласта. А в пенопласте – две выдавленные ниши под пистолеты и под мое удостоверение. Стас успеет в Чите сориентироваться, а я приеду через четыре с половиной дня на поезде и включусь в оперативную разработку по его «наколкам». SIM-карта мне тоже нужна другая, не на мое имя.

– Вы там только войны не затевайте, шпионы! Мне нужна пока оперативная информация, на основании которой можно подключать остальные департаменты и прокуратуру и устраивать масштабные проверки. Надежная, добротная и точная оперативная информация. А дальше рыть будут другие.

В предвечерней тишине над рекой Ингодой раздались истошные крики. Два голых тела выскочили из бревенчатой баньки и с воплями бросились в ледяную воду. С довольным уханьем и шумным плеском молодые мужчины охладили разгоряченные тела и потрусили назад, шлепая босыми ногами по траве и красной тротуарной плитке, которой была выложена дорожка к реке.

Андрейченко после парной окунаться в холодную воду не пошел, предоставив это занятие своим ближайшим помощникам и доверенным лицам, с которыми частенько уединялся в загородном доме. Как правило, баня, шашлыки и умеренная выпивка сопровождали обсуждение наиболее насущных дел и получение помощниками щепетильных заданий от своего шефа – мэра города.

Геннадий Васильевич сидел в просторном предбаннике с сигаретой, блаженно вытирая пот с широкой волосатой груди, видневшейся из-под распахнутого вафельного банного халата. Помощники – Славик и Тимоха – ворвались голые, покрасневшие от ледяной воды еще больше, чем от парной. Оба бросились под горячий душ. Шеф сказал, что хватит веселиться и пора поговорить о делах. А то бы опять в парную нырнуть!

Андрейченко некоторое время снисходительно наблюдал,

как щуплый подвижный Славик и плечистый Тимоха плескались.

— Ну, хватит веселиться! — крикнул он наконец своим помощникам. — Давайте сюда, оболтусы!

Геннадий был высоким статным черноволосым красавцем и умел нравиться людям. Не столько внешними данными, сколько общительным характером, умением помнить всех и сразу просчитывать, кто чего стоит и когда может пригодиться. Люди давно пользовались его советами и помощью. Еще в те времена, когда молодой Геннадий Васильевич ничего собой не представлял — так, помощник депутата. Но Андрейченко уже в те времена не чурался бросаться помогать всем, независимо от того, мог он помочь в самом деле или нет. Доходило до того, что он смело обещал родителям поступление их чад в вуз. Правда, в тех случаях, когда был почти уверен, что абитуриент и сам может успешно сдать экзамены. В большинстве случаев так и происходило, и Андрейченко скромно принимал благодарности. Но ни в коем случае не материальные, от них он категорически отказывался. Его просто запоминали, как человека, который всюду и ко всем вхож.

Потом на него сделали ставку как на молодого энергичного руководителя и решили выдвинуть марионеточным депутатом в местную думу. И там он уже начал проявлять все свои природные таланты. Его оценили, ему стали доверять, в нем увидели политика, его признали не только за своего,

но и за равного.

Андрейченко умел руководить и любил это делать. И сознание, что он может достичь в жизни большего, пришло неожиданно два года назад. Нашлись и люди, которые захотели ему в этом помочь, сделать своим инструментом, но не здесь, в Забайкалье, а уже в Москве. И ему посоветовали, как начать работу по возвышению и прикармливанию движущих его сил. Замаячила впереди путеводная звезда в виде хорошей должности при своем человеке в Министерстве сельского хозяйства. И как раз в тех его недрах, где занимались распределением субсидий, резервов – как раз около того загадочного места, которое во все времена называлось «закромами родины».

Наконец помощники водрузились за стол с мокрыми волосами, обернутые по пояс в простыни. С молчаливого согласия шефа махнули по стопке водки, смачно закусили соленьями. Славик был юристом и негласным помощником мэра во всех его махинациях, обеспечивая максимальную их юридическую безопасность и легальность. Тимоха – бывший майор милиции из краевого УВД, которого Андрейченко спас от уголовного наказания и вовремя замаял дело, – выполнял самые разнообразные поручения и был нештатным начальником службы безопасности лично Андрейченко. Он умел добывать информацию о делишках неугодных людей, подставлять их, организовывать неприятности и многое другое, что граничило с деяниями, предусмотренными Уголов-

НЫМ КОДЕКСОМ.

Сегодняшняя парная было посвящена очередному важному делу. Краевые чиновники не спешили подписывать разрешение на рубку леса и выделение под это расширенного участка на северо-востоке края. Причина была не столько в том, что выделение делянок было незаконным. Тут как раз все было нормально, хотя и притянута за уши, но большого нарушения не предполагалось. Просто два чиновника на разных уровнях тянули одеяло на себя. Один отстаивал интересы одного разработчика, второй – другого. У Андрейченко был свой, «московский» интерес к этим делянкам, но светиться с этим интересом было запрещено. Вопрос следовало решить негласно и в пользу третьего разработчика.

Помощники все подготовили правильно и вздохнул рассказывали сейчас о ситуации, которую они создали. Через надежного человека была подана информация, что один разработчик ведет грязную игру и по неосторожности спалил уже двух чиновников на взятках в соседних областях. Якобы на него готовится следственный «фас». Чиновник тут же отказался вообще решать этот вопрос. Второго заготовителя убрали с дороги, приостановив его лицензию. Нарушения были не очень серьезными, но оснований формально хватало.

У ворот скрипнули тормоза подъехавшей машины. Макарыч – сторож и дворник загородного дома мэра – хлопнул калиткой. Через минуту зажуужал электромотор раздвижных

ворот. Значит, приехал кто-то из своих, но Геннадий Васильевич никого не ждал и не приглашал. Жена? Какого ей...

– Добрый вечер честной компании! – без улыбки поприветствовал мэра и его помощников вошедший сухощавый мужчина лет сорока пяти с жестким лицом, которое казалось лишенным эмоций самой природой еще при рождении.

Андрейченко молча и настороженно смотрел на гостя, который, смахнув рукой несуществующую пыль с лавки, уселся, плеснул себе в чистый стакан минеральной воды и залпом выпил. Шумно выдохнув с видом человека, который не пил весь день, гость с прищуром посмотрел на Славика и Тимоху.

– Давайте, ребятки, попарьтесь еще, – велел Андрейченко.

Этого человека Геннадий Васильевич недолюбливал, но терпеть приходилось. Яков Михайлович Санин был ставленником его московских друзей, посредником в общении. Еще два года назад, когда Андрейченко был в столице, ему представили Санина и сказали, что общаться будут через этого человека, что он доверенное лицо и в состоянии решить множество вопросов. В какой области, не уточнили. Это был фактически приказ, намек на то, что он, Андрейченко, связан с москвичами так плотно, что возражать и отказываться права у него уже нет. Спустя несколько месяцев Андрейченко удалось установить, что Яков Санин живет в Чите и уроженец Читы, но каким образом он связан с московскими партнерами, выходец из каких структур, так и не установил.

– Ну, в общем, как мы и предполагали, Геннадий Васильевич, – закулив и уставившись на мэра бесцветными глазами, сказал Санин, – игра пошла по-крупному. Губернатор подсуетился и наскреб на вас компромат, который обеспечит ему победу в выборах на второй срок, а вам в лучшем случае... – Санин сделал в воздухе рукой с сигаретой неопределенный жест.

– Кто «мы»? – глаза Андрейченко сузились. – Какой компромат?

– Мы – это мы с вами, – спокойно ответил Санин, пуская струю дыма в потолок. – Мы же говорили о такой возможности. И не так давно. Какого рода материалы, я не знаю, и из какого источника – тоже. Информация вытекла из окружения губернатора. Найдем материалы – узнаем и источник, и степень угрозы.

– Вы что там, в Москве, вчера родились? – начал злиться Андрейченко. – Как проморгали, что кто-то в наших делах рылся? Да если все всплывет...

– Не всплывет, – успокоил Санин. – Наши друзья уже в курсе. По нашему звонку меры будут приняты, но главное сейчас – установить характер компромата. Может, он и выеденного яйца не стоит. Я знаю, каким поездом едет курьер. Материалы можно перехватить по дороге, в момент передачи здесь. Вариантов много, но мне нужен помощник. Надежный, опытный и... без комплексов.

– Черт! Как все это не вовремя. – Андрейченко плеснул

себе водки и опрокинул рюмку в рот. — Где и кого я вам найду? Помощника!

— Тимоху, — подсказал Санин. — Его квалификации хватит, а мне нужна только подстраховка. Самолет через три часа, билеты я уже забронировал.

Андрейченко, хотя и был уязвлен такой бесцеремонностью, понимал, что Санин знает, что и как делать. И что полагаться можно только на него. Не знал он лишь того, что этот непонятный тип прекрасно мог обойтись и без Тимохи. Помощник Андрейченко ему был нужен именно на случай неудачи.

* * *

Хирургом ее прозвали еще в то время, когда эта стройная и с виду утонченная девушка была снайпером в отдельной разведроте при штабе федеральных сил на Северном Кавказе. Прозвали ее так за ювелирную работу. Во время одной неудачной операции она была контужена, и пальцы правой руки потеряли прежнюю чувствительность. К тому же сильно упало зрение. Но хладнокровной девушке со спецназовской подготовкой нашлась работа и в Москве.

Формально она числилась в штате частного охранного агентства, но фактически понимала, что она сама и ее товарищи выполняют чьи-то заказы, каких-то высоких и облеченных властью людей. Кого, было не важно. Главное, что

это было связано не с криминалом, а как раз наоборот – с противодействием криминалу.

Те материалы, которые она должна была доставить в Читу, кого-то очень волновали. И где-то произошла утечка информации. Это стало понятно, когда появился «хвост». Начальство выслушало информацию об опасности, которую она передала по мобильному телефону. Решение ей передали через пятнадцать минут.

От «хвоста» удалось избавиться, но ее должны были пасти на перроне, раз кто-то знал, что материалы при ней, и был уверен, что она едет этим поездом. Изменить внешность, сняв парик, было несложно. Правда, надолго это преследователей с толку не собьет, но выигрыш в несколько минут был. А вот и расстроенная девушка, которой очень нужен билет на этот поезд... А в кассе их уже нет...

– Здравствуйте, вы, кажется, билет на 340-й не достали?

– Д-да, а что? – насторожилась пассажирка.

– Я сейчас билет пойду сдавать, идемте вместе – сразу его и купите.

– Ой, здорово как! – обрадовалась пассажирка. – Не знаю, как вас и благодарить!

– Пойдемте, пойдемте, а то времени до отхода осталось мало. Я просто попрошу вас передать в Чите вот эту флешку человеку, который за ней придет.

Все заняло и в самом деле всего несколько минут. «Теперь главное – появиться на перроне, а потом демонстративно по-

казать, что я поездом не еду, потому что заметила слежку. А дальше наши ребята что-нибудь придумают. А эту девушку в Чите встретят люди от адресата. И никто не будет знать, что флешка уже в пути, потому что все будут следить за мной». Пакет с документами, которые продублированы на флешке, останутся пока с ней и никуда не поедут до особого распоряжения.

Девушка-спецназовец не знала, что заинтересованным людям стало известно больше, чем предполагали она и ее начальство. Стало известно, в каком купе она должна ехать. И преследователи, потеряв ее в городе, не стали следить за объектом дальше.

* * *

Небрежно придерживая на плече ремешок дорожной сумки, Гуров шел вдоль поезда, отыскивая свой вагон. Скучающая проводница приняла паспорт с фотографией Гурова, в котором значилось, что он Прокопенко Иван Иванович, и билет. Бегло сверив данные, протянула все назад и все так же скучно пригласила проходить в вагон.

Молодецки вскочив по ступенькам, сыщик поднялся в тамбур и боком протиснулся мимо выходящих на перрон провожающих. Вот и его третье купе.

– Здравствуйте! – жизнерадостно приветствовал Гуров девушку, единственную пассажирку в купе. Это было прият-

но – редко во время поездок случались подарки судьбы в виде вот такой молодой блондинки с хорошими формами. Чаще болтливые и пьющие мужики или толстые потные бабы, которые постоянно рылись в своих баулах.

Девушка чуть повела головой и молча кивнула, не удостоив нового соседа по купе знаком внимания. М-да, мужене-навистница... Эта мысль сразу пришла в голову сыщику, который достаточно повидал на своем веку людей и пообщался с ними, чтобы с первого взгляда определить характер, психологический, так сказать, тип.

Обычно и у мужчин, и у женщин, независимо от их природных наклонностей и степени испорченности, в таких ситуациях возникает похожая реакция. Нового человека, с которым придется коротать немалое время в вагоне, или нового коллегу по работе они оценивают с особой точки зрения. Это происходит машинально, неосознанно, и запрограммировано это природой-матушкой – оценить нового человека как потенциального сексуального партнера. Даже если тебя никакими собаками не заставишь изменить своей дражайшей половине.

Гуров сразу отметил привлекательные формы фигуры и мягкие губы, которые так приятно целовать. Обычно и женщины так же смотрят на мужчин: строен, прекрасно сложен, мужественное лицо уверенного человека – настоящего мужчины. Однако его даже не удостоили хотя бы вежливым взглядом. Эту холодную блондинку, похоже, мужчины

совсем не интересуют. Бедняга, не знает она иступленного жара любви и безумства страсти. Не дано ей – и будет она прозябать свой век, с брезгливой терпимостью ожидая ночи, когда муж, возможно, начнет приставать к ней.

Бросив свою сумку на верхнюю полку, Гуров уселся на мягкий диван и с галантной улыбкой представился:

– Меня зовут Иван Иванович. А вас?

– Татьяна, – все так же холодно ответила девушка, не отрывая взгляда от картины за окном вагона.

– Тоже до Читы? – продолжал болтать Гуров, пытаясь наладить хоть какой-то контакт. Ехать больше четырех суток в тесном купе с такой букой было не очень заманчиво. Стоило попробовать растопить лед.

– Да.

Поговорили! Гуров усмехнулся про себя и решил оставить свои эксперименты до новых пассажиров, которые должны были заполнить купе. Хотя он был бы не против до Читы ехать с этой Татьяной вдвоем. Тогда даже лучше, что она молчунья. Завалиться на свою верхнюю полку с книгой и всю дорогу пребывать в состоянии личинки... Сказка!

Сыщик собрался было подняться, вытащить из дорожной сумки спортивный костюм, туалетные принадлежности, а саму сумку, пока в купе было мало народа, бросить в ячейку под диваном.

– Здравсьте, попутчики! – Жизнерадостный девичий голос в дверях заставил Гурова и Татьяну обернуться как по ко-

манде. – Еле успела. Ух!

Крашенная блондинка в джинсах и легкой куртке, стройная и тонкая, стояла в дверном проеме и весело смотрела на пассажиров. Была она похожа на мальчика-переростка. Не фигурой – фигура у нее все же была женственной, – а взглядом упрямых живых глаз, уверенными жестами. Девушка пробежала глазами по номеркам над полками, нашла свой девятый номерок и бросила сумку рядом с Гуровым.

– А у нас, значит, и мужчина в комплекте будет? – весело сказала она и оценивающе окинула сыщика многозначительным взором. – И что, до самой Читы будете нас охранять?

– Непременно, – боднул воздух головой Гуров, вскакивая с дивана и давая девушке возможность расположиться на своем законном месте. Его место было десятое, на верхней полке.

– Ну, настоящий полковник! – томно и покровительственно рассмеялась девушка, усаживаясь и перекидывая одну ногу через другую.

Коленки под джинсами оказались совсем не костлявыми, а круглыми. Но это Гуров отметил машинально. Внутренне он подобрался при слове «полковник». Расхожая фраза, конечно, но слух резануло. Конечно, если кто-то где-то узнал о его секретной миссии в Читу и собрался следить за ним, то бросаться такими словами не следовало. И вряд ли эта компанейская деваха была подслана к нему преступниками. Хотя...

Видя, что девушка пока не собирается раскладывать свои вещи, Гуров снова сел, но теперь ближе к двери. Ему было весело, и он намеревался поддерживать игривую беседу. Татьяна, наблюдая за новой пассажиркой, скривила губки. Не одобряла, значит, игривости.

– Ну, давайте знакомиться! – блестя глазами, предложила новенькая. – Меня Алина зовут.

– Татьяна, – не очень громко ответила вторая девушка и чуть кивнула головой.

– Иван Иванович, – представился Гуров. – Бухгалтер-ревизор в командировке.

– Бухга-алтер? – разыграла Алина разочарование. – И не военный?

– А вы любите военных? – развернул Гуров разговор в другую сторону.

– Терпеть не могу! – доверительным громким шепотом ответила Алина и рассмеялась.

За этим незамысловатым трепом пролетели последние несколько минут до отхода поезда. В вагон заходили и выходили люди, поэтому в коридоре почти постоянно ощущалась толчея. По поведению людей, проходивших мимо дверей купе, Гуров почти безошибочно определял пассажиров и провожающих. Только те, кто собирался коротать многодневный путь, с интересом поглядывали на пассажиров соседних купе. А кто у нас тут в соседях? С кем можно компанейски выпить и скоротать вечерок, с кем в картишки пе-

рекинуться, а с кем и пофлиртовать? Большая часть взглядов была брошена на попутчиц сыщика, и только один широкоплечий мужчина почему-то внимательно глянул на самого Льва. В голове привычно стали проворачиваться ассоциации – не знакомый ли, не пересекались ли когда и где. Было нежелательно, если бы в вагоне кто-то узнал в Иване Ивановиче Прокопенко полковника полиции Гурова.

Нет, этого лица сыщик не помнил; скорее взгляд был брошен с точки зрения другой оценки: а не является ли этот мужчина в третьем купе мужем, отцом, родственником кого-нибудь из этих двух симпатичных девушек? И не мешает ли он замутить кое-какие дорожные отношения? Гуров внутренне расслабился и настроился на шутливую позицию никого не допускать в их складывающийся тесный мирок купе.

– А вы не хотите поменяться со мной местами? – неожиданно спросила Гурова Алина. – Знаете, ужасно боюсь сквозняков. А из окна на меня как раз ночью будет дуть, мое место по ходу поезда.

– Пусть уж мужчина спит наверху, – вмешалась Татьяна. – Давай я на твое место перейду. Чего-чего, а я боюсь больше духоты, чем сквозняка.

Яковец за двадцать минут, что оставались до отхода поезда, выходил курить трижды. Не потому, что нервничал или был таким заядлым курильщиком. Ему нужно было понять обстановку в соседнем третьем купе. На одиннадцатом ме-

сте сидела миловидная серьезная блондинка. Вроде бы это и был курьер. Но его волновала обстановка вокруг. Были основания полагать, что за курьером может вестись наблюдение конкурентами – людьми Андрейченко. Их нужно было вычислить и обезопасить курьера, если придется. У него в этом поезде ехали двое помощников: один – в этом же вагоне, но в другом купе, второй – в соседнем вагоне. Но это на всякий случай. Парни были опытные, тренированные и способные на все, но умственную работу сделать должен был он сам.

Яковец напрягся, когда в третье купе сел пассажир «основательной» внешности. Это сравнение пришло в голову неожиданно. Павел Борисович не смог подобрать других слов, а во внешности этого мужчины чувствовалась какая-то внутренняя сила, что-то такое действительно основательное. Если это противник, то наверняка серьезный. А потом в купе перед самым отходом поезда впорхнула еще одна девушка. Стройненькая, крашеная, светловолосая, энергичная. Под курткой он увидел перекинутый через грудь ремешок небольшой сумки формата А4.

Из всех пассажиров вагона примерно треть вполне могла соответствовать типу людей, которых приставили следить за курьером. Человек десять мужчин, окажись они людьми мэра, могли представлять опасность при попытке захвата документов. Стрелять и взрывать, конечно, никто не будет, но способов изъятия существовало и без этого достаточно. Яковец поймал себя на мысли, что перегибает палку. Старее,

что ли? Сведений, что Андрейченко знает о компромате, у него не было. Стоило ли так паниковать?

Санин с Тимохой сели в восьмое, предпоследнее купе. Две бабы средних лет с огромными сумками с момента своего появления в купе устроили страшную колготу. Они что-то доставали и что-то убирали, постоянно перекладывали сумки то в багажное отделение под полки, то в нишу над дверью. В тесном помещении мгновенно запахло кислым потом вперемишку с дешевыми духами.

– Стой здесь и поглядывай, – буркнул Санин своему помощнику и двинулся в другой конец вагона.

Продираясь мимо пассажиров и провожающих, торчавших у входа в некоторые купе, он бегло осматривал и оценивал людей. Санин не знал, в каком купе едет курьер, но в том, что люди губернатора тут будут обязательно, не сомневался. И только выйдя на перрон и достав сигареты, он наконец с удовлетворением увидел того, кого и ожидал увидеть. Павел Яковец, один из ближайших помощников губернатора, ни в каких штатах не состоял, но его Санин знал. И знал, какую роль при Сипатове выполняет этот человек. «Ну, что же, – подумал Санин, – задача упрощается. Теперь осталось определить, кого же Яковец тут «пасет». Если он в этом вагоне, если он срочно прилетел в Москву и тут же едет назад поездом, то он знает курьера и боится его. Только вот один ли Яковец? Он не боевик, он работает головой, но кто-то дол-

жен быть еще с ним, кто подстрахует его, так сказать, физически... Разберемся. Главное теперь – определить курьера».

Вернувшись в вагон, Санин пробрался в конец коридора, где у окна торчал его помощник.

– Порядок, Тимоха, – тихо сообщил он.

– Что? – насторожился бывший майор.

– Есть человек губернатора, – почти одними губами сказал Санин, покосившись на возню баб в купе. – Это Яковец Павел Борисович, его негласный советник и помощник по щепетильным делам.

– Уже легче, – согласился Тимоха. – Он один?

– Вряд ли, но это не важно. За четыре дня присмотримся и что-нибудь придумаем.

В этот момент из последнего купе вышла девушка с пышными вьющимися волосами, в тесных брючках. Она стрельнула черными глазами в двух мужчин из соседнего купе и с томным вздохом оперлась локоточками на поручень под окном. Тимоха прошелся похотливым глазом по фигурке и толкнул Санина локтем.

Ни Санин с Тимохой, ни Яковец, ни их шефы не знали, что информация о компромете просочилась гораздо дальше, чем они полагали. Генерал Шамаев, начальник УФСБ по Забайкальскому краю, только внешне не интересовался политическим противостоянием на вверенной ему территории. Более того, интересоваться, держать руку на пульсе, иметь четкое представление о том, кто из политических лидеров что со-

бой представляет и какие цели преследует, было одной из его обязанностей. Как было и обязанностью иметь добротное досье на каждого лидера.

Шамаев был опытным контрразведчиком, и его назначение в эту глухомань не было какой-то ссылкой. Огромные рудные запасы края, включая и стратегическое сырье, в частности урановые и золотые рудники, близость границы с Китаем и Монголией – все это делало Забайкалье сложным районом со многих точек зрения. Тянулись нелегальные эмигранты-китайцы из Приамурья, тянули свои не очень чистые руки к недрам дельцы из Европейской части России, всякими правдами и неправдами шло курительное зелье из-за кордона. Несмотря на положительные данные референдума и, как следствие, объединение Читинской области с Агинским Бурятским автономным округом в единый Забайкальский край, политические противники до сих пор не успокаивались. Приходилось контролировать и эти процессы, чтобы вовремя пресечь поползновения превратить политический процесс в националистический. Ну, и традиционно Управление ФСБ посматривало и за криминальными наклонностями и деяниями высших чиновников края. Вполне закономерно в поле зрения попал и мэр краевого центра Андрейченко. И так же закономерно Шамаев получил информацию о предполагаемом наличии серьезного компромата на него, который накопили люди губернатора края.

Генерал еще не принял решения, как ему поступить с

этим компроматом. Пускать его в официальное русло или приберечь на всякий случай, когда понадобится использовать его в своих специфических целях. Такое решение можно было принять после того, как компромат будет в руках ФСБ, когда будет ясно, насколько он серьезен, насколько информация соответствует действительности, насколько она проверяема и доказательна.

Шамаев даже не отдавал приказа любыми способами завладеть документами. Его интересовал источник компромата и его серьезность. И, естественно, кто из помощников губернатора этим занимается. И если ситуация покажет, что документы солидные и за них началась борьба, то придется вмешаться. Группа оперативников, которая ехала сейчас в 340-м, выполняла личный приказ Шамаева, подчинялась в этой операции только ему и только ему должна была сообщать о результатах.

Старший группы полковник Зотов был наделен всеми полномочиями и мог действовать всеми доступными ему способами, ориентируясь в ситуации. Группа состояла еще из четырех офицеров-оперативников, в том числе одной девушки. Трое ехали с Зотовым в последнем купе, а четвертый – капитан Русин – в первом. Знал Зотов только, что курьер поедет, предположительно, на одиннадцатом месте. Но будет он один или с сопровождающими, узнали ли о курьере и документах люди мэра, есть ли они в вагоне – все это предстояло установить на месте. И не упускать ситуацию из-под

контроля.

– Саша, иди посмотри обстановку, – приказал Зотов своей помощнице. – Если есть шанс, то попробуй поменяться местами с тем мужчиной, который едет в третьем купе. Ты, мол, тут одна с тремя мужиками, тебе неудобно и все такое прочее.

Александра Пашенова была самым молодым сотрудником в группе, однако окончила она училище ФСБ именно по линии контрразведки и служила в соответствующем подразделении краевого управления. В группу ее взяли большей частью для прикрытия и создания видимости молоденькой одинокой пассажирки, что облегчило бы оперативную работу в вагоне.

Молодой лейтенант Пашенова, выйдя в коридор вагона из купе, сразу же обратила внимание на двух мужчин у окна напротив соседнего купе. Один постарше, второй помоложе. Говорили они вполголоса. Александра машинально отметила, что разговор прекратился с ее неожиданным появлением. Она не успела услышать, о чем говорили эти двое, но лица и реакции успела оценить профессионально. Тот, что старше, сразу замолчал, ничем себя не выдав: ни жестом, ни мимикой. Он даже не обернулся. А тот, что помоложе, явно непрофессионал, если и причастен к делу компромата. Слушал он старшего с серьезным заговорщицким видом и многозначительно поглядывал в начало вагона. Когда из девятого купе вышла Саша, он тут же изменился в лице, сменив

выражение на нейтральное. Только что насвистывать не стал. Может, и глупости все это, но Пашенова на всякий случай свои наблюдения отложила в памяти.

Постояв немного у окна под оценивающим ее фигуру взглядом мужчины из соседнего купе, Александра подняла руку с темным блестящим браслетом и чуть прижала его застегивкой к груди. Встроенный в браслет цифровой аппарат запечатлел лицо. Пашенова двинулась в начало вагона, сделав по пути еще несколько снимков. Предстояло сравнить личности пассажиров вагона с базой фотоданных на окружение губернатора и мэра, которая имелаась у группы в ноутбуке. Отдельно она сделала панорамный снимок всех обитателей третьего купе. Затем в начале вагона стала задумчиво рассматривать график прохождения поезда через промежуточные станции, который был укреплен на стене между окнами.

Одного взгляда в третье купе было достаточно, чтобы понять – компания там сложилась и вариант переселения не пройдет. Блондинка с пышными приятными формами, которая сидела на одиннадцатом месте, в оживленной беседе почти не участвовала. Она большей частью смотрела в окно с поджатыми губками. На девятом крашенная девица с быстрыми живыми глазами, которая вела оживленную, немного игривую беседу. Солидный дядечка рядом с пышногрудой весело смеялся и подыгрывал крашеной девахе. У которой, кстати, через грудь висела не очень толстая сумочка разме-

рами как раз под формат А4.

Пашенова вернулась в свое купе и молча сняла браслет, протянула его капитану Кабицкому.

– Он там душа компании, – пояснила она про мужчину из третьего купе. – Ничего не выйдет, он девушек своим присутствием не тяготит.

– Ладно, не принципиально, – согласился Зотов. – Пусть развлекает, мы по своей линии позаботились, чтобы в это купе больше никто не садился. Что там у тебя, Сергей?

Кабицкий соединил камеру браслета с ноутбуком и просматривал сделанные девушкой фотографии.

– Вот он, – ткнул капитан пальцем в экран. – И девушки. Все четверо оперативников столпились у столика, разглядывая фотографию.

– По описанию на курьера похожа вот эта блондинка, – первым заметил капитан Ергаев, – но сидит она почему-то на девятом месте, а не на одиннадцатом. А мужик, пожалуй, подозрительный.

– Да, есть в нем что-то, какая-то сила, – задумчиво согласился Зотов. – Не удивлюсь, если он из людей губернатора и боится курьера. Запросто может оказаться бывшим офицером из органов.

– Или просто начальником средней руки в командировке, – добавила Пашенова.

– Сейчас сравним, – защелкал клавишами Кабицкий. Соответствующая программа и база данных позволяла

сравнить имеющиеся фотографии людей в вагоне по параметрам лиц с теми, чьи фотографии были введены в компьютер заранее для опознания. На экране стали быстро мелькать одна за одной фотографии мужчин и женщин, снятых в разных ракурсах и в разное время года. Наконец выскочила заставка, что изображение не идентифицируется. Капитан покачал головой и заказал подбор наибольших соответствий. На экране всплыли и симметрично расположились три лица. Сходство было, но не более. Человека, который ехал сейчас в третьем купе, в базе данных не оказалось.

– Давай дальше, – велел полковник. – Что там еще Саша наснимала?

Кадр, второй, третий... Офицеры молча рассматривали пассажиров на экране. Вдруг полковник схватил Кабицкого за плечо:

– Ну-ка, ну-ка! Увеличь вот этого. Интересно! Сверх этого мужчину с базой.

Через несколько секунд компьютер выдал сведения. Яковец Павел Борисович, год рождения такой-то, место рождения...

– Вот он! – хлопнул полковник ладонью по плечу Кабицкого и с улыбкой повернулся к офицерам: – Вот кто присматривает за курьером. Это человек Сипатова, и как раз используется губернатором для особых поручений. Мужик ушлый и грамотный. Раз он в поезде, то и материалы в поезде. Значит, содержание компромата серьезное, раз в игру вступили

такие сильные фигуры.

— Не исключено, что и Андрейченко узнал об этих документах, — добавил молчаливый капитан Ергаев.

— Наверняка, — согласился Зотов. — И наверняка они знают Яковца в лицо, если не знают курьера. Они будут наблюдать за ним и выйдут на его подопечного. Всем усилить внимание. Мурат, иди подмени Русина. Его надо ввести в курс новостей.

Ергаев кивнул и молча вышел из купе. Неторопливым шагом он прошел до начала коридора и остановился у окна возле первого купе. Капитан Русин, высокий светловолосый парень, понял знак и отправился в тамбур, доставая на ходу сигареты. В тамбуре его уже ждал полковник Зотов с приготовленной запиской, на случай, если народ повалит курить и поговорить толком без свидетелей не удастся.

В третьем купе царило оживление. Гуров даже удивился, как изменилась Татьяна, пока он торчал в коридоре, давая девушкам возможность переодеться в дорожное. Через дверь было слышно, что девушки внутри без него оживленно разговаривают, даже смеются. При нем Татьяна была более чем сдержанна, отвечала односложно и поджимала губки, когда Алина слишком вольно вела себя с попутчиком. Точно, мужененавистница, в который раз сказал себе Гуров.

Когда наконец сыщику было разрешено войти в купе, обе девушки в симпатичных спортивных костюмчиках рассматривали содержимое небольшого кейса из коричневой тисне-

ной кожи, стоявшего на столике.

– Ого, – одобрил Гуров, увидев закрепленные ремешками в нишах кейса три бутылки. – Французский коньяк! Не менее французское шампанское и откровенно русская водка!

– Наша водка признанно лидирует в рейтинге пьяниц всего мира, – снисходительно пояснила Татьяна, которая, как оказалось, была хозяйкой всего этого сокровища.

– Почему пьяниц? – весело удивился Гуров, с интересом рассматривая этикетки на бутылках. – Потому что в комплекте всего по три: по три бокала, по три рюмки?

– Комплект для соображения на троих, – поддержала мужчину Алина.

– И что, мы все это с вами употребим? – поинтересовался сыщик, потирая руки.

– А вот фигушки вам! Это везется в подарок, – пояснила Татьяна и захлопнула крышку.

Гуров сделал страшно разочарованное лицо и широко развел руками, показывая всю безысходность ситуации. И когда он повернулся к двери купе, то наткнулся на холодные серые глаза проходившего по коридору пассажира. Пассажир явно замедлил шаг, чтобы посмотреть на кейс в руках девушки. Татьяна как раз убирала его под сиденье своего дивана. Что же все такие любопытные-то, в который раз поморщился Гуров. Не дает покоя, что я один с двумя девицами еду? А вдруг я муж одной из них? Или отец, или еще кто?

– А может, за знакомство по коньячку? – предложил Гу-

ров. — Двести пятьдесят на троих под хорошую беседу и в ознаменование счастливого пути?

Сыщик залихватски подмигнул девушкам. Алина с таким же азартом подмигнула Татьяне. Блондинка пожала плечами и согласилась.

— Ладно, тогда с меня конфеты, — сказала она, поднимаясь. — Только схожу руки помою.

Алина ловко выудила из своей сумки небольшой пакет с яблоками и апельсинами. Гуров помог ей опустить сиденье дивана и решил, что руки помыть не мешало бы и ему. Выйдя в коридор, он увидел типичную картину для поезда. Стоявший у соседнего окна мужчина с интересом глянул на проходившую мимо Татьяну. Вагон качнуло, и девушка оступилась, ее толкнуло прямо на этого мужчину.

— М-м, какие у вас руки, — с улыбкой отметил мужчина, придерживая Татьяну за локти и глядя с легкой улыбкой ей в глаза. — Руки хирурга?

— Я терапевт, — недовольно ответила девушка, отстранив мужчину.

Гуров успел заметить, что минимум четверо мужчин коридоре вагона живо обернулись на Татьяну и мужчину из четвертого купе. «Нет, — подумал Гуров, — все же неистребима тяга мужиков к блондинкам».

Алина догнала своих попутчиков уже около туалета, пояснив, что яблоки она купила возле вокзала и они немытые. Гуров заметил, что легкая сумка формата А4 опять висит

через плечо девушки. Что там такого, что она боится оставить ее на минуту в купе?

– Дверь лучше запереть, – со знанием дела посоветовала Алина. – Сейчас с распитием в вагонах строго.

– Если ты купил не у проводника, – хмыкнула Татьяна, ловко нарезая ножом Гурова на дольки яблоки и апельсины.

– Как у вас действительно ловко получается, – шутливо похвалил Гуров, вспомнив короткую интермедию в коридоре. – В самом деле, руки хирурга...

– Простите, – послышался за спиной мужской голос. Гуров оглянулся и с неудовольствием увидел все того же мужчину из четвертого купе. – Сильно извиняюсь, но у вас ножа не найдется? Забыл, знаете ли, взять.

– Держите, – строго сказал сыщик, протягивая свой нож. – Теперь уже не забудьте вернуть.

Закрыв дверь, Гуров повернул защелку и уселся рядом с Алиной. Он успел заметить странное выражение глаз Татьяны, которое она бросила на него и девушку. «А может, эта блондинка только разыгрывает мужененавистничество, может, я ей симпатичен и ей неприятно, что Алина со мной флиртует? Может, ей хочется, чтобы я ей внимание уделял, а она бы сидела и кобенилась? Ладно, разберемся по ходу пьесы, – решил сыщик. – Изменять жене с попутчицами я не собираюсь, а поиграть в эти игры для коротания дальней дороги можно. Обычный дорожный флирт, и ничего больше».

– Ну, за что пьем? – спросил Гуров, плеснув коньяк в пла-

стиковые одноразовые стаканчики, которые нашлись у Алины.

– Вы кавалер, вам и тост говорить, – напомнила Алина, игриво глянув на мужчину. – Ну-ка, выдайте, настоящий полковник.

– С чего вы... – хотел возразить Гуров, но понял, что не стоит заострять на этом внимание. Лучше увести разговор, как и сам тост, немного в другую сторону. – Э-э... давайте выпьем за женщин. За то, что в них есть такого, чего нет у мужчин...

– Срам-то какой, – хохотнула Алина и подмигнула Татьяне. – Иван Иванович сейчас ударится в физиологию или анатомию...

– Отню-юдь! – возразил сыщик, выставив указательный палец. – Не о телесном речь!

И Гурова, что называется, понесло. Он стал красиво и витиевато распространяться о роли женщины в жизни мужчины, о том, что в каждой женщине должна быть загадка и она должна всегда оставаться не прочитанной до конца книгой. Тост девушкам понравился. Выпили, взялись за дольки яблок и апельсина.

– Вообще-то, загадка – это вы, Иван Иванович, – хитро посмотрела на Гурова Алина. – Полковник не полковник, а на бухгалтера вы точно не похожи. Стать не та и хватка тоже. Повидала я бухгалтеров – они так говорить не умеют.

– А я не просто бухгалтер, – напомнил Гуров, – я ревизи-

зор. Я должен нагрянуть неожиданно, маскируясь под обычного гражданина, начать красиво говорить, а в результате – вскрыть серьезные недостатки. А где вы на нашего брата-ре-визора нагляделись?

– На работе, – махнула рукой Алина. – Я менеджер по работе с клиентами в крупной торговой компании. У нас бухгалтеров знаете сколько? Огромная комната, заставленная столами с компьютерами, и сплошь бухгалтеры, бухгалтеры, бухгалтеры...

– Ну, я так и думал, что вы менеджер, – рассмеялся Гуров. – Современная профессия как раз для энергичных молодых людей, не страдающих комплексами. Вы ведь не страдаете комплексами, Алиночка?

– Я ничем не страдаю! – уверенно заявила Алина. – У нас вон доктор свой сидит. И молчит. А ну-ка, доктор, окинь меня профессиональным взглядом. Чем я страдаю?

– А вы правда врач? – поспешил Гуров вовлечь в беседу Татьяну. – А какой?

– Хороший, – буркнула Татьяна.

Алина, а за ней Гуров разразились дружным хохотом. Татьяна посмотрела на собутыльников, поджала губки, но улыбнулась.

– Вот кто не страдает от комплексов, – захлопала в ладоши Алина. – Иван Иванович, поцелуйте ее. Она просто прелесть!

Гуров с готовностью повернулся, намереваясь по-отече-

ски приложиться к девичьему лобику. Татьяна отшатнулась, замахала ручками, но покраснела.

– А правда, – стал настаивать Гуров, – какой вы врач: детский, взрослый или специализация какая иная?

– Ну, терапевт я, и что? В поликлинике работаю, – мило стала хмурить бровки Татьяна на дотошных соседей.

– А ну-ка, полковой бухгалтер, плесните еще в бокалы, – потребовала Алина. – Предлагаю выпить на брудершафт и перейти на «ты»! Нам вместе ехать в этом тесном пространстве чертову уйму времени. Как представляю, что всю дорогу будем «выкать», мне завывать хочется. О! Каламбур получился.

– Я – «за»! – поднял Гуров свой стаканчик, предварительно наполнив остальные. – За сближение нашего тесного уютного мирка!

– Я целоваться не буду, – свела строго бровки к переносице Татьяна.

– Ой, ну я не могу! – весело скривилась Алина. – Тебе Иван Иванович не нравится? Хочешь, позовем того соседа из следующего купе, что за ножом приходил? То-то он на тебя все утро пялится...

– Девочки, девочки! – воззвал Гуров. – У нас чисто дружеская компания. Поцелуи тоже дружеские. И никого мы звать не будем!

– Видала? – Алина кивнула головой на сыщика. – Вожак охраняет свой прайд... Ладно, Танька, иди, я тебя сама по-

целую. Вместо бухгалтера.

К неожиданности Гурова, Татьяна привстала, и они с Алиной чмокнулись в губки.

– Должны будете, бухгалтер, – объявила Алина и опрокинула в рот коньяк.

К тому времени, как бутылка опустела, раскрасневшаяся Алина засыпала всех рассказами из своей бурной жизни. Татьяна посасывала апельсинчик и хихикала, заметно более раскованная, чем в начале застолья. Гуров, который теперь был со всеми на «ты», активно комментировал рассказы Алины и вставлял истории о приключениях бухгалтера. В основном сердечные. В целом посиделки получились удачные.

Потом все шумно решили сходить в тамбур покурить. Алина поправила свою сумку, висевшую через плечо, и протянула Гурову руку, чтобы он помог ей встать. Галантный сыщик подал руки одновременно обеим дамам.

– Что ты ее таскаешь на себе все время? – спросил Гуров, дернув за ремешок сумки.

– Там документы важные. Я же в командировке, а не как Танька – на отдыхе. Кое-какие оригиналы просили передать из головного офиса. Не столько ценно, сколько время уйдет на восстановление. И мне по башке надают, если потеряю.

Когда вся компания выбралась в коридор, поезд неожиданно дернулся и стал заметно сбавлять скорость. За окном тянулись низкие строения и появилась платформа.

— А пошли-ка на свежий воздух, — предложил Гуров, поймав девушек за талии и останавливая. — Кажется, у нас будет короткая остановка.

Татьяна с готовностью свернула направо, Гуров двинулся за ней. Алина, пребывая в игривом настроении, ущипнула Гурова за ягодицу. Сыщик, не оборачиваясь, погрозил девушке пальчиком.

— Далеко не уходим! — зычно объявила проводница. — Стоянка десять минут.

Пока курили и хихикали возле вагона, Гуров успел заметить, что вокруг них стоят только молчаливые мужчины. Какое-то командировочное уныние, подумал он. Вернувшись в вагон, решили убрать со стола, оставив только фрукты, выпить чая и завалиться «полежать». Гуров забрался к себе наверх и с наслаждением вытянул ноги. Коньяк сделал свое дело, и мысли потекли пространно и легко. Потом сознание испарилось. Под мерный стук колес и покачивание вагона сыщик сладко продремал до самого вечера.

Утро второго дня ничем не предвещало неприятностей. Наполненное веселым щебетанием девушек, оно началось около восьми часов. Гуров со словами «доброе утро» сполз вниз и предложил отправиться в ресторан.

Татьяна объявила, что нужно доедать домашнюю снедь, собранную в дорогу, а кофе можно выпить и в купе. На столе появились пакеты с курицей и пирожками. Гуров вызвался сбегать в буфет за колбасой, но его остановили. Пришлось

со вздохом угощаться чужой едой, смущенно намекая, что он теперь в должниках.

В ресторан обитатели третьего купе выбрались около часа дня. Никто не отказался от пива, которое предложил всем Гуров. Веселая беседа вновь закрутилась вокруг всевозможных жизненных историй. Алина по обыкновению под капризными взглядами Татьяны упивалась фривольными подробностями. Гуров пытался нивелировать щекотливые темы смешными историями.

Часа через полтора компания, покурив в промежуточном тамбуре вагона, ввалилась в свое купе. Алина, которая вошла первой, нахмурилась и молча остановилась между диванами. Гуров насторожился, потому что кое-какие предчувствия появились и у него.

– Таня, загляни-ка в нишу, – тихо попросила Алина подругу, уставившись на неопрятно свесившийся матрас.

Татьяна была самой опрятной и аккуратной в их троице. Даже поднимаясь, чтобы поправить перед зеркалом волосы, она обязательно оправляла на своем диване матрас, простыни, одеяло. В полной тишине девушка приподняла диван, Гуров тут же бросился помогать. Рядом с сумками девушек под диванной полкой не хватало подарочного кейса с напитками. Все хорошо помнили, что в первый же день, когда Татьяна его демонстрировала, она не засунула кейс в дорожную сумку, а просто поставила в нишу. Теперь его не было. Быстрая проверка показала, что все в здравом уме и твердой

памяти. Никто кейса в другое место не клал, да, собственно, его в купе и не было. Гуров не поленился даже заглянуть в багажную нишу над дверью купе.

– Украли! – всхлипнула Татьяна и опустилась на свою постель.

Глаза девушки, которые она беспомощно переводила с Гурова на Алину и обратно, стали наполняться слезами.

– Все, я пошел поднимать шум, – заявил Гуров, решительно отодвигая дверь.

Прибежала проводница, через пять минут появился бригадир проводников. Гуров двинулся выяснять по другим купе, не видел ли кто чего подозрительного, но все пассажиры вагона дружно отнекивались. Когда он вернулся после обхода, то застал Алину, которая нежно обнимала Татьяну за плечи и успокаивала, периодически глядя по голове. Еще через час появились представители транспортной полиции, которые начали фиксировать факт кражи и опрашивать пассажиров.

К удивлению Гурова, из купе не пропало больше ничего. Он вспоминал, что кейса не видел никто, кроме соседа из четвертого купе, который входил к ним в тот момент, когда Татьяна хвалилась подарком. Гуров в четвертом купе был и вопросы свои задавал в том числе и этому мужчине. Но только теперь сыщик подумал о том, что реакция этого мужчины, когда тот узнал о краже, была странной. Испуг? Нормально, особенно если учесть, что он к ним в третье купе за-

ходил, нож просил, потом возвращал. Теоретически мог видеть вещи и приложить руку к краже. В этой ситуации его испуг объясним. Но Гуров теперь подумал, что это не был испуг человека, который безвинно попал под подозрение. Скорее этот человек расстроился, даже разозлился. Почему? По той же причине, что безвинно попал в категорию подозреваемых?

Думая о своей тайной миссии, сыщик стал прокручивать в голове события последних двух дней. Интуитивно он чувствовал атмосферу чего-то не совсем обычного. Интуиция что-то подсказывала, но он не обращал внимания, развлекая попутчиц. Теперь стоило об этом подумать серьезно. Кража нелепая, но какую-то цель она имела. И относилась ли эта цель к нему лично и к его миссии? Если бы кейс ему подбросили и обвинили в краже, тогда понятно. Его задерживают, снимают с поезда. И он какое-то время никуда не едет и в Читу попадает с большим опозданием. Или еще лучше: он начинает размахивать своим удостоверением, которое достанет из тайника. И всем станет ясно, что он полковник полиции. Но кейса ему никто не подбрасывал и подбрасывать уже не будет, потому что он с девушками первым делом перерыл все купе. Смысл в этой краже? Может, все проще и кто-то просто позарился на дорожную сумку?

Бригада путевых обходчиков двигалась по перегону, толкая перед собой по рельсам ручную тележку с инструментом. Дежурный осмотр полотна на участке подходил к концу. На очередном повороте бригада остановилась для замеров расхождения. Самый молодой член бригады, семнадцатилетний паренек, бросил рукавицы на тележку и рысью бросился с откоса в кусты. Вслед понеслись шуточки. Парень с самого утра страдал животом и то и дело бегал в кусты.

Когда замеры были сделаны и рабочие уселись перекурить, паренек показался из кустов с какой-то сумкой в руках.

– Гляньте, что нашел! – закричал он снизу. – Портфель! Запертый!

– Зачем руками трогаешь? – заорал бригадир. – А вдруг взрывное устройство!

– Да ладно тебе, Митрич, – проворчал второй рабочий. – Бомбу бы под рельсы сунули, а не за полсотни метров бросили. Потерял кто-нибудь.

– Ну-ка, покажь! – строго велел бригадир, когда паренек выбрался на полотно. – Ишь ты, дорогая вещь. Кожа-то на нем какая!

– Глянь, Митрич, – с горящими глазами сказал паренек, показывая на замки найденного им коричневого кейса. – Без

ключа запирается, замок наборный кодовый. Давай топором подденем?

– Я те поддену, – замахнулся бригадир на паренька. – Ты соображай головенкой своей! Чего такая вещь в кустах валяется рядом с рельсами? Или из окна выбросили, или вместе с человеком из поезда выпало. Может, тут преступление какое совершилось, а ты – топором! Несчастье у кого-то, надо в полицию или дежурному по станции.

Трое рабочих еще раз повертели найденный коричневый кейс, повстряхивали его, пытаясь определить, что там такое тяжелое внутри. Вскоре тележка скрылась за поворотом. Минут через тридцать за небольшим оврагом в этом же месте остановился неприметный «уазик». Трое мужчин выбрались из машины и стали пробираться к железнодорожному полотну. Чертыхаясь я матерясь, они выбрались из овражка и подошли к насыпи.

– Вот он, 321-й, – кивнул на километровый столбик один из них. – Справа по ходу поезда. Давайте, с интервалом в три метра и туда.

– А если его выбросили чуть раньше? – с сомнением спросил второй, озираясь по сторонам.

– Ладно, чтобы наверняка, захватим еще метров сорок до столба, – согласился первый, который был, наверное, старшим.

Мужчины вернулись немного назад, спустились с насыпи и растянулись в линию, перпендикулярную железнодо-

рожному полотну. Медленно, внимательно осматривая придорожные кусты, промоины, они двинулись цепью вперед. Примерно через час они вернулись такой же цепью, но уже прочесывая кустарник гораздо дальше от насыпи.

– Черт! Тут такая глухомань, куда он мог деться? – ругался старший, отряхивая штанину джинсов, измазанную в грязи.

– Да, красть тут некому, – поддержал шефа другой мужчина. – Тут до ближайшего населенного пункта километров десять. И места не грибные.

– Ну не испарился же он? – раздраженно спросил третий. – Слушайте, а у железнодорожников ведь есть какие-то службы, которые осматривают полотно, обходчики какие-нибудь... Может, они тут были, подобрали? Мы подъехали спустя час с небольшим после поезда.

– Может, ты и прав, – согласился старший. – А может, он отлетел и упал в овраг.

– Ага, за подножку вагона зацепился, – хмыкнул третий.

– Останешься здесь, – велел старший. – Мы тебе организуем каких-нибудь солдат с полсотни человек. Прочесешь тут все вдоль и поперек. И не отходи отсюда ни на шаг. А мы проверим твой вариант с железнодорожниками.

– Сигарет оставьте! – крикнул мужчина вслед двум своим товарищам, спускавшимся в овраг. – Моя идея, мне же и торчать.

Из-за кустов вылетела пачка сигарет и упала в траву.

– И на том спасибо, – проворчал человек. – Как говорится,

инициатива наказуема исполнением.

Два грузовых «Урала» остановились на грунтовке за оврагом часа через полтора. Прапорщик вывел солдат к железнодорожному полотну, поздоровался с ожидавшим его мужчиной. Потом развернул свое войско и несколько раз прочесал километровую полосу вдоль полотна шириной едва ли не метров в сто. Поиски никаких результатов не дали...

* * *

Большим сюрпризом для обитателей третьего купе было появление утром следующего дня проводницы вагона и молодого лейтенанта полиции. Гуров, после обилия выпитого пива, промучился половину ночи. Чувствуя, что мочевого пузыря скоро лопнет, он не мог заставить себя слезть с полки и пойти в туалет. Сейчас, еще немного, вот-вот встану. Иногда спросонок, как бы сильно ни хотелось в туалет, очень трудно заставить себя подняться. И не спишь толком, и встать лень.

Наконец терпение иссякло. Сыщик понял, что лучше пересилить себя и сходить, чтобы потом еще пару часиков спокойно поспать. Он спустился на пол, машинально глянул на часы, потом в окно. Было половина пятого утра, а поезд тихо вползал на какой-то полустанок и явно намеревался остановиться. Гуров тихо выругался. Раз остановка – значит, туалеты заперли. Придется терпеть минут пять, десять или больше.

Выйдя в коридор, сыщик посмотрел по сторонам. Тихо, все двери купе закрыты. Справа в тамбуре, ближнем к проводникам, лязгнули двери. Поезд дернулся еще дважды и остановился. Гуров тяжело вздохнул и облокотился на поручни под окном. Надо терпеть. Лев машинально прислушивался к голосам, которые доносились из тамбура. Сначала он узнал голос проводницы, потом прозвучал мужской голос. Наверное, новый пассажир, решил Гуров.

Однако через пару секунд в дверях вагона показался молоденький лейтенант полиции. В одной руке лейтенант держал черную папку для бумаг, а во второй... коричневый кейс Татьяны.

– Вот как раз и гражданин из этого купе, – возникла за спиной полицейского проводница. – Хорошо, стучать не надо.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался лейтенант. – Ваша спутница еще спит? Давайте пройдем в купе.

Все трое ввалились в тесное помещение, и полицейский сразу стал трясти за плечо Татьяну, которая спала на одиннадцатом месте. Девушка сразу же проснулась, ойкнула и мгновенно села на своей полке, испуганно вдавившись спиной в стенку. Увидев проводницу и Гурова, она быстро пришла в себя, а когда увидела еще и кейс, то испуг на ее лице сменился радостью.

– Ой! Мой кейс нашелся? Откуда?

– Вы можете подтвердить, что это именно ваш кейс? –

строго спросил полицейский.

— Конечно, — спуская ноги с полки, ответила Татьяна. — Я знаю, что в нем, и кодовый замок... Его не открывали? Это что же, там все цело?

Процедура вскрытия прошла в полной тишине. Татьяна покрутила колесики кодового замка, и перед глазами лейтенанта предстали перечисленные хозяйкой бутылки, рюмки и бокальчики. Тут же был заполнен соответствующий протокол с перечислением понятых, в котором по просьбе полицейского Татьяна приписала, что претензий ни к кому не имеет. Гуров хмыкнул на этот счет, но от комментариев воздержался. Линейный отдел транспортной полиции не соби-рался расследовать эту кражу и умывал руки. Ну и черт с ними, решил сыщик. Вот только рассказ лейтенанта о том, что кейс был найден возле железнодорожного полотна и что, следовательно, злоумышленники выбросили его из поезда, заставил Гурова крепко задуматься.

Честные железнодорожники, которые нашли кейс, не стали его уродовать, пытаясь вскрыть, а вернули через дежурного по станции в поезд — это хорошо. Есть на Руси еще честные люди. Но зачем красть, чтобы выбрасывать?

Лейтенант покинул вагон, и поезд, задержав его на лишние пятнадцать минут, отправили. Гуров дорвался наконец до туалета...

Блаженное состояние располагало к тому, чтобы вздремнуть еще пару часиков, но мозг начал привычную работу.

Сон как рукой сняло. Гуров лежал на спине и смотрел в темный потолок, по которому под мерное покачивание вагона пробегали тени и отблески восходящего солнца. Мотив! Вот что сейчас больше всего интересовало сыщика. Будет понятен мотив, будут объяснены и поступки. Зачем нужно кому-то красть в поезде кейс незнакомого пассажира? Причины может быть две: либо пассажир знаком, либо похититель что-то перепутал.

В первом случае Татьяну кто-то знает, и тогда, учитывая ее мирную профессию, мотив может существовать только в виде личных отношений. Например, личной неприязни. Украсть и выбросить в окно относительно дорогой подарок, который она везет домой из Москвы какому-то своему знакомому, – значит сделать ей гадость. В этом случае все связывается и все логично. Во втором варианте, когда Татьяну в вагоне лично никто не знает, предположений может быть бесконечное количество. Вагонный воришка, которыми до сих пор изобилует железнодорожный транспорт, мог случайно увидеть кейс. По глупости, не будучи искушенным в современном сувенирном бизнесе, подумал, что в кейсе что-то такое очень ценное. Мотивированно. А вот дальше сплошная глупость. Украсть и выбросить в окно! Даже не вскрыв! То, что замок кодовый, никого не остановит. Взломать кейс проще простого, но его выбросили, даже не попытавшись вскрыть. Остается думать только о том, что не кейс выбросили из вагона, а человек с кейсом выпрыгнул из вагона. И?..

И все! Кейс нашли железнодорожники возле насыпи, а человека не нашли. А должны были, если он сильно пострадал или убится насмерть. Кейс легкий, он наверняка отлетел дальше, чем могло отлететь тело человека. Вор выронил кейс, когда собирался спрыгнуть на ходу поезда? Вор так сильно покалечился, что не стал искать кейс, а постарался добраться к жилью, где мог получить экстренную медицинскую помощь? Вора нашли в бессознательном состоянии и увезли, а кейс позднее нашли железнодорожники?

Нет, согласился с собой Гуров, тела не было. Полиция обязательно связала бы тело и найденный около насыпи кейс. Ведь именно полиция вернула кейс, который им передал какой-то дежурный по станции. Полиция в связи с трупом обязательно бы кейс вскрыла, а они передали его хозяину прямо так, запертым. Значит, он в их понятии «чистый». Нелепость на нелепости. Но, как говорили древние мыслители, не усложняй без меры, и подобное надо объяснять подобным. Дремота одолела, и Гуров наконец уснул под свои мысли и мерное покачивание вагона.

Проснулся Гуров, когда за окном было уже светло. Глаза открывать не хотелось и смотреть, сколько времени на часах, тоже. В коридоре было тихо, никто не ходил, не стукались двери купе. Внизу тихо переговаривались попутчицы, видимо разглядывая возвращенный ночью кейс.

– Как я его теперь дарить буду, – капризно шептала Татьяна. – Смотри, тут крышка лопнула. Под кожей не видно,

а рукой чувствуется трещина. И угол ободран.

– Господи, – уверенно отвечала Алина, – так ты сопроводи все рассказом о твоих приключениях. Вот приколом будет! Как ты защищала свой подарок, какие вокруг него всю дорогу страсти разгорались...

– Ну да! – проворчала Татьяна. – Скорее подумают, что это я такая косорукая – уронила его по дороге и раскокала.

– А ты не спеши дарить, – советовала Алина. – Обратись в мастерскую специализированную или к какому-нибудь мужику с руками. Аккуратно снять обшивку, скрепить трещину, а потом снова обшивку на место присобачить. А ободраный угол можно на клей посадить. Хотя слишком неаккуратно ободралось... Можно заказать накладные металлические уголки, блестящие такие. Как будто так и было!

– Когда мне всем этим заниматься, если меня на вокзал придут встречать?

– Тогда остается только вариант с душераздирающим рассказом, – хихикнула Алина. – А я подтверждаю. В красках!

– Слушай, Аль, а наш сосед тут руку не приложил? Какой-то этот Иван непонятный, врет все время... И ты еще к нему клеишься.

– Это ты зря! Ты че, Таньк, теперь всех окружающих подозревать собираешься? Ему-то на хрена красть твои бутылки. Да еще в окно выбрасывать! Нормальный он мужик. А привирают они в дороге все, рисуются. Ты чего, ревнуешь, что ли, пупсик? Хочешь, я его тебе уступлю?

– Не хочу! – недовольно буркнула Татьяна.

В этот момент в дверь постучали и дернули ручку. Дверь не открылась, потому что девушки заперлись изнутри. Что-то от ночных размышлений щелкнуло в голове сыщика.

– Спрячьте кейс, – свесившись с полки вниз головой, сказал Гуров. – Быстро!

Девчонки, озадаченные приказными интонациями соседа по купе, послушно сунули кейс под одеяло на полке Татьяны. Гуров спустил ноги и пружинисто прыгнул на пол.

Перед дверью стояла проводница со стаканами чая в обеих руках.

– Чай будете? – весело поинтересовалась она.

Гуров успел заметить, что около титана стоит высокий пассажир из первого купе с пустым стаканом. Он вроде собирался наливать в него кипяток, но стоял со странной рассеянностью и смотрел в окно. Около списка станций и времени их прохождения, который висел на стене между окнами, стояла девушка из последнего купе и тупо изучала содержание. Уже в который раз, по наблюдениям Гурова. А за спиной проводницы как раз протискивался тот самый сосед из четвертого купе, который просил вчера ножик. Он улыбнулся и кивнул Гурову, бросив внимательный и быстрый взгляд в купе на девушек.

– Да, спасибо, с удовольствием, – расплылся Гуров перед проводницей, пропуская ее в купе со стаканами.

Как только проводница вошла, сыщик тут же захлопнул

дверь.

– Оксана, – посмотрев на бейджик проводницы, спросил Гуров, – вы кому-нибудь про то, что кейс полиция нашла и вернула, говорили? Рассказывали кому-нибудь?

– Н-нет, – опешила от такого напора проводница. – А что? Вообще-то ночью по рации я бригадиру сообщила, а так никому. Что случилось? Нашли же.

– Вот чтобы ничего не случилось, – твердо и жестко сказал Гуров под удивленными взглядами девушек, – я и прошу вас – никому ни слова. Не знаю, кто и зачем его выкрал, но зачем-то вор это сделал. И чтобы все не повторилось, давайте делать вид, что кейса больше нет. Понимаете? Зачем вашей бригаде еще одно такое происшествие?

– Хорошо, не скажу, – сразу испугалась Оксана и закивала головой.

Молодой проводнице явно хотелось спросить, а что такого ценного в этих трех бутылках, что их хотели украсть, но она воздержалась. Выпроводив проводницу, Гуров уселся на нижнюю полку рядом с девушками и взял свой стакан с чаем.

– Мне кажется, что это само собой разумеется, – пояснил он девушкам. – Согласны?

– Пожалуй, – первой согласилась Алина. – Украли – и украли. Нет его. Черт знает, что там и у кого на уме! Поняла, Таня? Иван дело предлагает.

Татьяна согласно кивнула, продолжая смотреть на всех большими испуганными коровьими глазами. Судя по ее ви-

ду, она считала, что все уже закончилось и что самая большая неприятность в том, что кейс потерял товарный вид и свою ценность как полноценный подарок. А тут, оказывается, еще сохранилась какая-то угроза, которой она не понимает, а соседи по купе понимают...

– Слушай, Вань, а ты не шпион, грешным делом? – поинтересовалась Алина. – Ну, не тянешь ты на бухгалтера. Слишком хорошо в житейских делах соображаешь.

Гуров сделал максимально удивленное лицо и даже перестал прихлебывать чай из стакана. Он заметил, что у Татьяны при этих словах подруги глаза округлились еще больше.

– Шучу, конечно, – рассмеялась Алина. – Но согласитесь, ребята и девчата, что кража какая-то нелепая. И тянет она только на детектив, причем шпионский.

– Ну, знаешь, – развел Гуров руками, – тут всех подозревать можно. Сама-то вон сумочку с плеча не снимаешь. В туалет, и то с ней ходишь. Что у тебя там, шпионские материалы? А вдруг тебя с Татьяной перепутали и выкрали не ту сумку?

– Сумку я могу показать, – отмахнулась Алина, – не в этом дело. Я детективы читать люблю, а в них сыщики всегда первым делом мотив преступления ищут. Где тут мотив?

– Слушайте, – трагическим голосом сказала вдруг побледневшая Татьяна, – а ведь в самом деле все как в детективе. Я и не подумала сначала, а тут все так закрутилось... Может, правда меня обокрали из-за тебя? Ну, перепутали с тобой...

– Стоп! – Гуров поставил стакан на столик и уставился на девушек. – Вот с этого момента подробнее. Из-за чего тебя обокрали и о чем ты сразу не подумала?

– Ты имеешь в виду... – пробормотала задумчиво Алина. – Хм, а в самом деле странно. Видишь ли, Ваня, я Таньке-то рассказывала, а тебе, кажется, нет. Я прилетела на вокзал, когда билетов на этот поезд в кассе не было. Покрутилась, покрутилась, а тут ко мне подходит девушка и предлагает свой билет. Она якобы собирается его сдать, а я, значит, могу его тут же купить, раз место появилось.

– И что же? – удивился сыщик. – Или Татьяна с ней так похожа, что злоумышленники их перепутали? И украли кейс, думая, что Татьяна – это та девушка с вокзала?

– Ты знаешь, – пожала плечами Алина, – навскидку можно сказать, что и похожа. Но главное-то не в этом. Главное, что она попросила меня передать в Чите флешку. За ней должны были прийти на вокзале.

– И как тебя узнают? – зловещим шепотом, от которого обеим девушкам стало страшно, спросил Гуров.

– Никак, она сказала, что в купе придет человек, на одиннадцатое место...

Не сговариваясь, Алина и сыщик уставились на Татьяну, которая с перепуганным лицом сидела именно на одиннадцатом месте. Потом, так же не сговариваясь, оба посмотрели на кейс, топорщившийся рядом с Татьяной под одеялом.

– Так, приехали, – обреченно пробормотал Гуров.

– Ах да! – схватила Алина Гурова за руку. – Тот, кто придет, должен сказать что-то про хирурга. Я забыла точно. То ли для хирурга просили передать, то ли от хирурга...

– О-хо-хо, – в глубокой задумчивости сказал Гуров. – Во что же ты вляпалась, девочка...

Сыщик смотрел на руки Татьяны, которые нервно мяли носовой платок. Как там мужик из четвертого купе в прошлый раз сказал? Руки как у хирурга? И все в купе таращилась, и за ножом приходил... А ведь не всегда самое очевидное – самое правильное. Опыт сыщика подсказывал, что все гораздо сложнее, чем видится на первый взгляд. Внимание человека из соседнего купе вряд ли связано с пропажей кейса.

За многие и многие годы работы оперативником уголовного розыска Гурову очень часто приходилось самому делать то, что обычно поручалось специализированным подразделениям. Лично устраивать слежку за нужным человеком, негласно добывать сведения, да и избавляться от слежки ему приходилось ох как часто. Много чего пришлось пережить и испытать Льву Ивановичу, прежде чем он дослужился до полковника. И глаз у него был наметан, и в кое-каких вещах специалистом он стал отличнейшим. И интуиция обострилась до такой степени, что порой сам воспринимал свои догадки как нечто мистическое. Опыт, его не пропьешь!

Гуров стал вспоминать все, что бросалось ему в глаза за эти два дня в вагоне поезда. Многое он пропустил мимо, счи-

тая лишь особенностью поведения людей среди множества незнакомых попутчиков. Но теперь он взглянул на это уже иначе. Много раз в жизни сыщика бывали ситуации, когда за ним устраивали слежку. И он ее всегда ощущал, улавливал. И в вагоне, как он теперь понял, за их купе тоже наблюдали. Сыщик успевал замечать характерные быстрые взгляды, которым он не придавал вначале значения. И если разобраться, то в курилке, на перронах, во время коротких остановок поезда, в вагоне-ресторане соседствовали почти одни и те же люди. Мужик из четвертого купе, девушка из девятого и два мужика из восьмого. Эти точно, но могли быть и другие. Но почему так много наблюдателей? Их что же, полный вагон? Или он ошибается? Скорее всего, ошибается, но на этих стоит обратить внимание. И самое главное, что пока ничего из случившегося не связано с его, Гурова, тайной миссией. По крайней мере на первый взгляд.

– Что вы все молчите? – с намеком на тихую истерику спросила Татьяна.

– Думаем, Танюша, думаем, – улыбнулся Гуров.

– Это ты думаешь! – взвилась Алина. – А мы и не знаем, о чем тут думать. Хоть бы поделился мыслями.

При этих словах Татьяна совсем скисла и залилась слезами. Алина возмущенно глянула на Гурова, как будто в его обязанности с самого начала входила защита и охрана пассажиров купе, и пересела к подруге. В ее порывистых движениях было что-то мальчишеское, какой-то максимализм.

Алина обняла Татьяну за плечи и стала шептать ободряющие слова, поглаживая то по голове, то по щеке. От этого блондинка совсем расклеилась и, уткнувшись Алине в грудь, разрыдалась уже в голос.

– Давай, говори, – потребовала Алина у Гурова, когда Татьяна немного успокоилась на ее груди. – Зачем у проводницы требовал, чтобы она молчала? Думаешь, снова у нас попытаются кейс украсть? Или еще какие мысли есть?

– Конечно же, есть, – подтвердил Гуров. – Кейс – дело второе. Тот, кто его из поезда выкинул, уже не найдет его там, в лесу. Но он и не знает, что его вернули нам. Я на это надеюсь. Он – или они – думают, что в кейсе есть что-то им нужное, и попытаются это заполучить. Вряд ли они будут так уж рисковать и действовать нагло. Скорее всего, эти неизвестные активизируются по прибытии поезда в Читу.

– Обнадежил, – проворчала Алина. – Не проще ли обратиться в полицию?

– А что ты им скажешь? Что у твоей соседки по купе украли кейс и выбросили в окно? Тянет на хулиганство, не больше. А вот если ты заявишь, что за тобой, точнее, за секретными материалами на твоей флешке, охотятся шпионы или преступники, то приедут не полицейские, а санитары.

– Так что же делать? – всхлипнула Татьяна, тараща свои коровьи глаза из-под руки Алины.

– Ждать и быть осторожными, – угрюмо ответил Гуров. Он достал из кармана своих спортивных штанов трубку

мобильного телефона и под удивленными взглядами девушек набрал номер.

– Здорово, Стас!

– Привет, – ответил на том конце голос Крячко. – Соскучился?

– Не очень, – усмехнулся Гуров. – У меня тут весело. Две симпатичные молодые девушки, развлекаемся который день.

– Понятно, – ответил Стас и замолчал. Он понимал, что Гуров ему звонит не просто так, потому что такая связь у них предусмотрена только в экстренных случаях. Да и то когда Гуров доберется до Читы и начнет действовать.

– Нужно срочно установить всех пассажиров шестого купейного вагона моего поезда. Но ничего пока больше не предпринимать.

– Опаньки! – удивился Крячко. – Что-то по пути произошло? Хорошо, свяжусь с Петром и передам твою просьбу. Еще что?

– Еще нужно по прибытии поезда зафиксировать морды всех, кто из этого вагона выйдет. Не исключено, что фамилии в паспортах и билетах не соответствуют оригиналам. Но это так, на всякий случай.

– Понял, что-нибудь придумаю. Ты-то сам как, не в опасности?

– Нет, – отрезал Гуров, – за меня не дергайся.

Отключившись, сыщик увидел, что девушки смотрят на него с большим изумлением и надеждой. Понятно, что сей-

час начнутся вопросы, но Гуров был к ним готов. Он специально затеял этот разговор с Крячко прямо в купе, а не вышел, скажем, в туалет. Девушек надо успокоить, и надо, чтобы они ему верили. Вот только говорить всей правды им сыщик не собирался.

– Та-ак, – прищурившись, сказала Алина, – кажется, шутка про настоящего полковника была недалеко от истины.

Гуров широко и доверительно улыбнулся. Если бы эта деваха знала, насколько недалеко.

– Девочки, ну нельзя же до такой степени не верить людям. Я бухгалтер-ревизор, но ревизовать-то я еду полицейскую бухгалтерию. Вот и решил, что ко мне захотят подлизаться, оказать услугу. Могу я воспользоваться такой возможностью? – Голос Гурова перешел на шепот. – Я же взток не беру. Я честный ревизор.

– Ладно, – кивнула Алина, – допустим, что ты сейчас не валяешь дурака.

– Ни в коем случае, – горячо заверил сыщик. – И чист в своих помыслах, как ангел. Но осторожность нам все равно не помешает. Давайте до прибытия в Читу не оставлять купе без надзора. И вы по одной не ходите, даже в туалет.

Гуров хотел было попросить отдать ему ту самую флешку, которую просили доставить в Читу Алину, но подумал, что с такой просьбой девушки его точно заподозрят в сообщничестве со злоумышленниками. На ночь запираяться, днем он будет выходить в коридор, когда девушки пойдут в туалет, и

будет за ними смотреть. «Обойдется, в Чите сдам я эту Алину и ее встречающего Крячко. Выясним, что тут за тайная деятельность».

Успокоив, насколько это было возможно, девушек, Гуров стал большую часть суток проводить в коридоре, лениво поглядывая на других пассажиров. Поезд шел по южному берегу Байкала, и виды открывались замечательные. Заставив девушек запереться, он сходил в буфет и принес еды на троих. Все было тихо и совсем не подозрительно.

Проблемы начались к вечеру. И опять у Татьяны. Поезд давно уже миновал Улан-Удэ, в темноте за окнами высились горы, покрытые дремучими лесами, пробегали небольшие поселки с редкими фонарями и маленькими станционными постройками. Ноги у сыщика заметно устали стоять в коридоре: облокотившись на поручень, он беспрестанно пропускал ходивших туда-сюда пассажиров.

– Ваня, – позвала Алина из двери купе.

Гуров обернулся, и ему не понравилось лицо девушки.

– Вань, Татьяне плохо. Ее тошнит постоянно.

Сыщик нахмурился и вошел. Девушка в самом деле выглядела бледной, она постоянно вытирала пот и морщилась.

– С чего это? – спросил Гуров. – Вроде все ели одно и то же. Ты-то, Алина, как себя чувствуешь?

– Я – нормально.

– Чем тебе помочь, Танюша? – Гуров присел на край постели. – Может, таблеток каких поискать, поспрашивать?

Или врача найти?

— Ты забыл, что я сама врач? — буркнула блондинка. — Ладно, дайте бумагу, я напишу, что поспрашивать.

Заставив девчонок опять запереться, Гуров отправился к проводнице со списком возможных таблеток. У той в аптечке кое-что нашлось. Вернувшись в купе, Гуров и Алина занялись лечением попутчицы, но состояние девушки все ухудшалось и ухудшалось. Ее начало рвать, пульс ослаб и стал нитевидным. Озноб переходил в жар и обратно.

Плюнув на все, Гуров побежал к проводнице и попросил сообщить на ближайшую станцию, чтобы подготовили медиков. Ждать оставалось около часа. И этот час показался очень длинным.

Наконец впереди по ходу поезда показались огни. Их было хорошо видно, когда железнодорожное полотно делало крутой поворот. Гуров с Алиной помогли Татьяне сложить вещи и сидели рядом, с жалостью глядя на бледную с зеленой девушку. Поезд замедлил ход, фонарей за окном стало больше, потянулся небольшой перрон и специфические строения: то ли лабазы, то ли гаражи. Мелькнула большая белая табличка на стене с черными буквами «АЛЕКСЕЕВ-СКОЕ».

Забежавшая в купе проводница сообщила, что «Скорая» стоит прямо на перроне. Гуров и Алина помогли Татьяне выйти, спуститься по ступенькам. От машины двое молодых санитаров или медбратьев взяли девушку под руки и посади-

ли в медицинский «уазик»-буханку. Гуров подал сумку девушки и поспешил в вагон. Поезд стал набирать скорость, медленно уползая в темноту.

– Странно, – первой нарушила молчание Алина, продолжая, подперев кулачком подбородок, смотреть в темное окно.

– Что странно? – Гуров сидел рядом, откинувшись на спинку и сложив руки на груди. Он тоже пребывал в глубокой задумчивости с примесью грусти.

– Странно, что за всю дорогу к нам не посадили ни одного пассажира. Так вдвоем и проехали.

– Бывает, – пожал плечами сыщик. – Странно другое. То, что Татьяна отравилась, а нам хоть бы что. Никакого намека. Ели-то вместе и одно и то же...

– Бывает, – отозвалась Алина и вдруг рассмеялась, поняв, что ответ прозвучал как передразнивание. – Так, может, ты скажешь серьезно, кто ты такой на самом деле?

Алина повернулась к Гурову и положила ему руку на плечо. Ее пальчики прошли по воротнику спортивной куртки, потом коснулись щеки мужчины. Гуров с интересом наблюдал за действиями Алины. Гляди-ка, не оставила своих попыток! Ах, женщины, готовы на любую блажь, лишь бы удовлетворить свое любопытство. И главное, какая в этом логика, какой смысл в этой информации? Она ведь ничего Алине не даст, так нет же... Как там говорит Крячко? Мужская логика правильнее, а женская интереснее.

– Такой весь загадочный, – голосом, похожим на урчание пантеры, проговорила Алина, продолжая водить пальчиками по щеке Гурова. – И не признается. И как мне тебя расшевелить?

Девичья рука скользнула со щеки на шею, потом на грудь Гурова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.